

О.А. Старовойтова
Санкт-Петербургский государственный
университет

Иногда они возвращаются...

(К вопросу об актуализации слов современного русского
языка)

Один из авторов проекта «Словаря русского языка XIX в.» Ю.С. Сорокин предполагал, что «для наглядной демонстрации языковых фактов больше возможностей дает выбор более ограниченного во времени периода, связанного с одним языковым состоянием, что делает особенно необходимым и возможным вполне отчетливое разделение устойчивых и подвижных элементов языковой системы» [7: 7]. Однако системное описание лексико-семантических средств языка XIX в. предполагает демонстрацию динамики в направлении к современности (это процессы обогащения словарного состава, затухания и выхода из употребления, углубления или сокращения семантики и мн. др.) и, следовательно, «открытие» XIX века для современника, приближение его к нашему времени. Изменения в русском языке, переживаемые им в последние десятилетия, указывают на глубокую взаимосвязь и общность процессов «века нынешнего» и «века минувшего».

Наряду с теоретическим исследованием языковых изменений XIX века необходимо изучение истории конкретных слов и лексикографическое описание различных групп лексики. Любопытный материал дает тематическая группа названий продуктов питания и блюд, а о важности этой сферы человеческой жизни может свидетельствовать следующее высказывание Е. Расторгуева (1848): «Сладко покушать,

полакомиться всякий человек любит, особенно богатый и здоровый. Русские богачи исстари любили хорошо и сытно поесть, сладко и вкусно попить, а особливо при праздничных и бальных случаях» [4: 181]. Но не только русских характеризует подобная черта - то же самое замечает Н.В. Гоголь и в отношении итальянцев: «...был у него аббат..., обращавший остальной разговор на брокколи и артишоки, любимый свой предмет, знавший очень хорошо, в какое время лучше телятина, с какого месяца нужно начинать есть козленка.» (Гоголь Н.В. Рим, 1842).

Среди новаций XIX века следует отметить большое количество слов из области гастрономии, что совсем неудивительно, если внимательно вчитаться в свидетельства современников: «...время, роскошь и изысканный вкус богатых людей, особенно живших за границею, возродили ужаснейшее множество предметов прихоти (курсив наш - О.С.) в петербургских фруктовых лавках. Теперь окна фруктовых лавок, как сирена пением, как русалка красотою, очаровывают взоры, соблазняют чувства петербургских гастрономов и, как киевская ведьма, обнимая тело, обольщая взглядами, нежа прихоти, неприметно высасывают кровь, т.е. кошелек и здоровье» [4: 181]. На первый взгляд, история многих из них абсолютно одинакова: появление в различных источниках, первая фиксация в XIX в., достаточно активное употребление (по данным, в первую очередь, средств массовой информации) в русском языке конца XX в. Однако на самом деле одинакова судьба этих новаций, а вот история их может быть самой разной. Например, слово *баклажан* вошло в обиход (Ср.: «Что Арина Ивановна пьет, это очень хорошо; она у Вас удалась вполне; только прискучает кабачками фаршированными и синими баклажанами, кушаньями, кстати сказать, для российского уха безразлично скучными, неинтересными.» (Псм. А.П. Чехова А.М. Федорову, 1902) и активно употребляется до настоящего времени, демонстрируя то состояние тождества слова, которое вызвано

«непрерывностью его исторического существования (=т.е. активным употреблением соответствующего слова в разных последовательно менявшихся системах языка)» [2: 39].

Одной из особенностей развития лексического состава русского языка конца XX в. называют ресемантизацию, или актуализацию, когда устаревшие или малоупотребительные на том или ином временном отрезке слова переживают возрождение, сохраняя в своей новой жизни прежнее смысловое и функционально-стилистическое содержание (как это случилось, например, со словом *гласность*. Ср.: «Где не погубило слово, там и дело еще не погубило. За эту открытую борьбу, за эту речь, за эту *гласность* – я остаюсь здесь...» (Герцен А.И. С того берега, 1847-1850); «Известно, что сплетня и до сих пор не совсем утратила свое значение; исчезнет она только в лучах полной *гласности* и свободы» (Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания, 1854-1883). Подобные слова представляют собой сравнительно немногочисленную, но характерную для литературного языка в процессе его развития лексическую группу, которую исследователи называют относительными неологизмами или актуализированными словами. По мнению в.В.Виноградова, «и пребывание его <слова>, иногда на протяжении целых столетий, в архивном фонде данного языка или в его пассивном словаре» [2: 39] не противоречит понятию непрерывности его семантического тождества.

Отсутствие словарных фиксаций на протяжении почти всего XX века и последующее их доявление – самая типичная ситуация для относительных неологизмов. Оживление слова вместе с возрождением реалии – таков обычный процесс возвращения в обиход слов из тематической группы названий блюд и продуктов: «Многофункциональную косметику можно сравнить с кухней фьюжн, когда мясо акулы приправляют брусникой, а *парфе* из мидий подают в розовом цветке цуккини» (Mini, апрель 2005, с.141). В качестве примера

такого «архивированного» слова можно привести и лексему *равиоли*. Появившись когда-то («Я жила рядом с ними, Гоголь через день обедал у меня и т.к. он любил *равиоли*, то я их всегда заказывала своей кухарке». Россет А.О. Автобиография, запись 1881 г.), оно не стало частью активного запаса языка и не было зафиксировано в словарях (см.: Даль, Ушаков, БАС, МАС). Существует целый ряд слов, история которых требует прояснения. Попробуем продемонстрировать это на нескольких примерах.

Современные кулинарные рецепты пестрят такими названиями, как *маседуан*, *оршад*, *тартинки*. Все они пришли из французского языка и имеют достаточно прозрачную этимологию (*маседуан* – сладкое кушанье, из плодов, род компота [1: 350]; *оршад* – прохладительный напиток, миндальное молоко с водой и сахаром [5: т.XI, 289]; *тартинки* – тонкие куски хлеба с намазанными на них ломтями сливочного или чухонского масла, тоже что бутерброт [1: 508]).

Многочисленные источники свидетельствуют о распространенности данных слов на протяжении всего XIX в., причем наиболее употребительным является слово *тартина* (*тартинка*): «Мария прекрасно умела делать чай и самые тоненькие тартинки с маслом» (Одоевский В.Ф. Новый год, 1831); «На следующее утро я сидел за завтраком, т.е. пил кофе без сахара (по бельгийскому обычаю) с огромною тартиною (хлеб с маслом)» (Печерин В.С. Замогильные записки, 1860-1872). Что касается изменения значения, то можно отметить следующее: слово *оршад* практически не претерпевает семантических изменений, по-видимому, в силу экзотичности напитка, обозначаемого данным словом, – ‘миндальное молоко’. В словаре В.И. Даля фиксируется более полное представление о реалии, называемой словом *тартинка*, нежели в приведенных выше примерах: ‘бутерброд, ломтик хлеба с маслом, иногда с сыром, телятиной

и пр.' Кулинарная книга конца XIX в. наряду с традиционными рецептами дает рецепт приготовления тартины – сладкого коржа [3: 357].

Что же касается *маседуана*, то следует отметить отсутствие четкого представления о данном блюде на всем протяжении существования данного слова: 'сладкое кушанье, из плодов, род компота' [1]; 'кушанье из разных вареньев, облитых вином, или из овощей', 'кушанье из вареных овощей', 'салат из овощей или фруктов' и даже 'мороженое из смеси разных фруктов' [5: т.Х]. В одном из вариантов значения данное слово практически полностью пересекается с хорошо всем знакомым *винегретом*.

Если мы обратимся к словарям, памятуя при этом об одном из важнейших положений лексикографии: «Хранить язык – не значит ли приводить в стройную совокупность все его сокровища, разрозненные временем и местом, для приличного и отчетливого по мере надобности употребления?» [6: V], любопытно проследить судьбу рассматриваемых слов и на протяжении XX в. Данные выглядят следующим образом:

	Сл. Даля	Сл. Ушакова	БАС	МАС	Сл. Ожегова и Шведовой (4 изд.)
<i>Оршад</i>	-	+	+	+	-
<i>Маседуан</i>	-	+	+	-	-
<i>Тартинка</i>	+	+	(+) ¹	+	+

Если опираться на данные БАС, напрашивается вывод о том, что из трех рассматриваемых лексических единиц слова *оршад* и *маседуан* являются общеупотребительными, поскольку декларируется, что отбор слов производится на основе живого современного словоупотребления, что словарь должен представлять лексику, созданную и принятую в письменном и разговорном литературном языке эпохи диктатуры

¹ Знак () обозначает наличие пометы *устар.*

пролетариата [8]. Иллюстративный же материал, который выбирался из произведений новой русской литературы от Пушкина до наших дней, почему-то для всех слов представлен XIX в. (*маседуан* – Л. Толстой, А. Рылов¹, *оршад* – М. Глинка, Я. Полонский, *тартинки* – А. Пушкин, В. Одоевский). Не дает информации об этих блюдах ни «Книга о вкусной и здоровой пище» – «кулинарная книга эпохи диктатуры пролетариата», ни Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (кроме слова *тартинка*). Основываясь на данных словарей, приходится признать, что слова *маседуан* и *оршад* не являются относительными неологизмами, т.к. их история непрерывна, но, по-видимому, требуются длительные и кропотливые изыскания в области исторической лексикологии для установления реальной истории данных слов и их функционирования в русском литературном языке в XX в. Отражение динамики лексического состава на основании уточненных данных должно стать задачей нового академического толкового словаря русского языка, который в силу разных обстоятельств уже становится словарем историческим.

Литература

1. Бурдон И.Ф., Михельсон А.Д. Словотолкователь 30000 иностранных слов. М., 1871.
2. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977. С.39.
3. Образцовая кухня и практическая школа домашнего хозяйства. 3000 рецептов. Составил П.Ф. Симоненко. М., 1892.

¹ Даты жизни художника А. Рылова – 1870-1939. Формирование словарного запаса осуществляется достаточно рано, и потому, по всей вероятности, употребление им слова *маседуан* можно считать языковым фактом XIX в.

4. Расторгуев Е.И. Прогулки по Невскому проспекту // Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века. СПб., 2002. С. 119 – 204.
5. Русский энциклопедический словарь, изд. И.Н. Березиным, СПб.: т. X, 1875; т. XI, 1876.
6. Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. Наук. Под ред. Я.К. Грота, т. I, 1891.
7. Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977. С. 4 – 27.
8. Чернышев В.И. Принципы построения академического словаря современного русского литературного языка // РЯШ, 1939, N 2.

С.А. Эзериня

Институт лингвистических исследований РАН

(Санкт-Петербург)

Развитие нового типа сложных прилагательных в русской художественной речи XIX в.

(тезисы)

I. Сложные прилагательные — одна из наиболее интересных, многочисленных и разнообразных по своему составу лексических групп русского языка. Несмотря на то что на протяжении двух последних столетий она привлекала внимание целого ряда исследователей, назвать ее хорошо изученной пока все еще нет оснований. Темой данной работы является изучение развития одного из разрядов данной группы, а именно прилагательных с сочинительным межкомпонентной связью.

Данный лексический разряд представляет большой научный интерес с различных точек зрения, в том числе с позиций семантики, словообразования, сочетаемости и функционирования в тексте, орфографии, истории языка, лексикографии. На рубеже XVIII-XIX вв. в нем как, вероятно, ни в каком другом отразилось то, что принято называть “ароматом эпохи”, поскольку именно здесь оказались эксплицитно представленными все основные лексико-семантические и функциональные особенности русского языка этой динамичной эпохи.

Для определения того нового, что появилось в данном разряде лексики непосредственно в XIX веке, необходимо обратиться к материалам предыдущего столетия.

II. *Сложные прилагательные с сочинительной связью основ в XVIII веке* (по данным Словаря русского языка XVIII века [5] и его картотеки).

Традиционно сложные прилагательные с сочинительным типом